

Мы подружились с марабу

Около полугода назад в Москве показали фильм Отара ИОСЕЛИАНИ "Истина в вине". Это был единичный показ в рамках мероприятий премии "Гриумф". Лишь теперь картина выходит в прокат. По этому случаю к нам и пожаловал сам режиссер, который почти двадцать лет живет уже не в России и не в Грузии, а во Франции. "Истина в вине" очень похожа на того Иоселиани, каким мы его знаем и в буквальном смысле слова обожаем. Но узнаваемость почерка ничего общего не имеет с повтором ранее открытого. Хотя его герои все так же говорят, ходят по улицам — ныне парижским, встречаются в кафе, пьют вино, поют песни, и только. Никаких исключительных поступков не совершают, так обыденно проживают жизни и так уйдут когда-нибудь в иные миры, и в этом состоит счастие жизни и ее исключительность.

— Во французском оригинале название у фильма ироничное, нежное, колкое. Оно идет из пиратского лексикона, его трудно перевести на русский язык. И мы взяли другое название, понятное русскому человеку. В России есть поговорка: "Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке". То есть речь идет о стремлении говорить правду, будучи под градусом. Это к вопросу о названии моей картины "Истина в вине".

В Грузии к вину особое отношение. От него требуется, чтобы оно пилося легко, а наутро не болела бы голова, чтобы оно было приятным на вкус и чтобы было известно, кем оно сделано. Так как строгого контроля за качеством вина в годы советской власти не существовало, то можно было напороться и купить в розлив неизвестно что. Во Франции же в XX веке выработалось законодательство, связанное с виноделием, установлено строгое отношение к качеству напитков.

В Грузии вино сопровождает застолье, несет духовную нагрузку, связано с общением, возникающим между людьми, расположенными по отношению друг к другу. А во Франции оно элемент гастрономии. Там не произносят тостов никогда, не философствуют, не читают стихов, не вспоминают прошлого, не говорят друг другу приятных вещей.

— В кадре герои, и ваш в частности, поют песни, похожие на грузинские...

— Когда я приезжаю в ту или иную страну и хочу самым коротким путем познакомиться с ее содержательной стороной, то всегда знакомлюсь с песенным фольклором, поскольку это та часть культуры, которая просеяна через песок веков, которая несет в себе совершенно неповторимое очарование, черты национального характера. В России я буквально не выходил из Дома радио, где слушал северные, уральские, волжские песни. То же самое я делал на Украине и в Африке. Во Франции случилась примерно такая же история: засел в фонотеку и отобрал то, что было

по душе. Но как потом выяснилось, там никто уже этих песен не поет. Люди знают Пиаф, Монтана и так далее, а вот народных мелодий уже не помнят. А это очень красивые песни. Но французы на два голоса не поют. И я придумал для красоты звучания новый оттенок, развел на два голоса. Так что вы слышите в фильме французские песни, спетые на грузинский манер.

— Что заставило вас на сей раз не просто появиться на экране, но сыграть одну из ключевых ролей?

— Я не люблю работать с профессиональными актерами и особенно со знаменитыми. Это не правило, конечно, никаких зарок я не давал. Просто боюсь штампов, клише, которыми обладают профессиональные актеры и которые трудно мне преодолеть, работая над картиной. Найти исполнителя на роль пожилого человека, который бы меня удовлетворил, не удалось, тем более что и времени для этого было мало. Пришлось сыграть самому, и это вынужденный шаг. Принцип моей работы на съемочной площадке в основном состоит в том, что я показываю актерам то, что они должны делать. Поэтому мне легче было все сделать в данном случае самому. Но больше я этим заниматься не буду.

— Вы ко всем людям так хорошо относитесь, как в своих картинах, и насколько общечеловеческими, вневенациональными являются их проблемы?

— Когда Иешуа у Булгакова предстал перед Понтием Пилатом, то назвал его добрым человеком. Его спросили, бывают ли недобрые люди, а он ответил, что бывают несчастные. Они несут груз ошибок и совершенных дурных поступков. Я думаю, что мой фильм — это комедия о том, как смешон и грустен этот мир. Все комедии грустные. Веселых я что-то не видел, кроме фильма "Волга-Волга".

Я продолжаю снимать фильмы, касающиеся того круга идей, сожалений, печалей, которые я увез из моей страны, из Грузии. Самый мой грузинский фильм — тот, который я

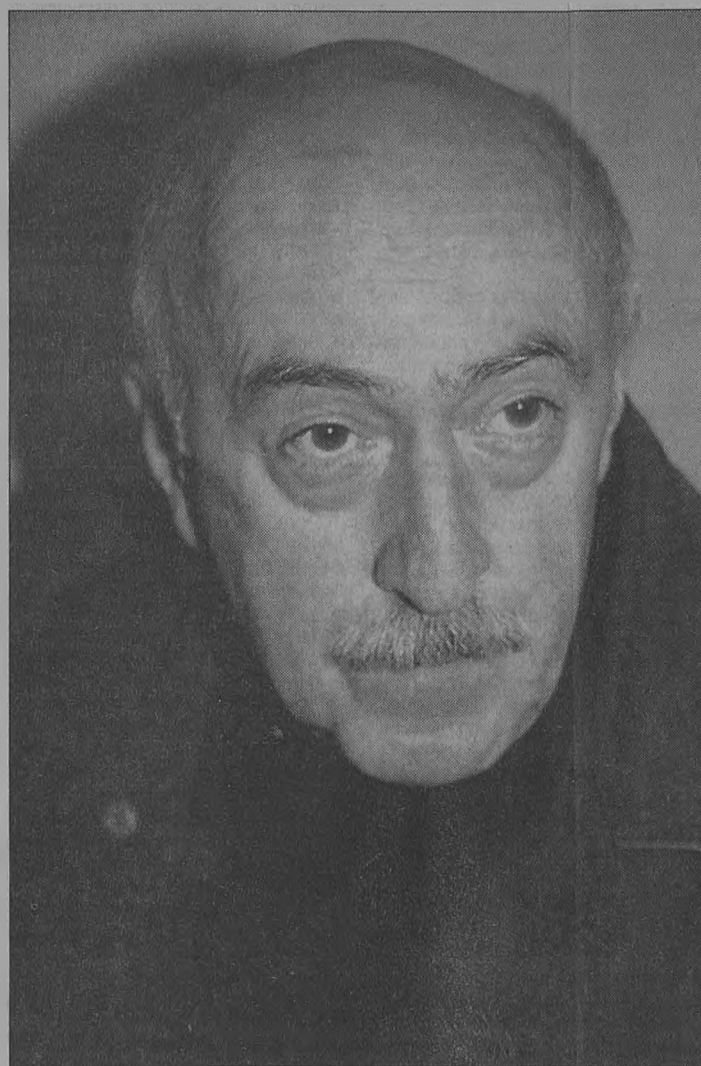

Фото Л. КАМЫШЕВОЙ

снял в Тоскане в маленьком монастыре ("Маленький монастырь в Тоскане", 1988). Притворяться в моем возрасте и говорить, что делаешь французское кино, довольно трудно. Но почему-то для французов мое кино является французским.

Я не ощущаю себя мастером, честно. Просто каждый раз заново работаю, вкалываю, стараюсь что-то придумать. Не снимаю фильмы для того, чтобы их снимать, а стараюсь о чем-то рассказать. Когда мы читаем стихи, смотрим фильм, слушаем музыку, попадаем на выставку Рембрандта или Пиромани, нас охватывает чувство радости от того, что все это существует. Читаем книгу и думаем, что вот и я так думал, просто не смог сформулировать мысль и так точно ее высказать, как писатель. Мы все, живущие в одно время, имеем приблизительно один круг идей и проблем. Если каждый из нас с разных точек зрения будет обозревать мир добросовестно и серьезно, то произойдет феномен: кто-то в зрительном зале вздохнет вместе с нами и почувствует себя менее одиноким.

не решают ничего. Картина звуковая, но не разговорная. Когда кино нужен перевод, то это уже не чистый кинематограф.

— Странная птица марабу живет в вашем фильме. Она вам важна. Почему?

— В картине должен был быть персонаж-философ. Он молчит, смотрит и о чем-то думает. Хотелось иметь живое существо, наблюдающее безмолвно за тем, что происходит вокруг. Находясь при этом в неволе. Когда я увидел это существо, решил, что оно превосходно. И мы подружились с марабу, который меня торопил, когда ему надоедало сидеть под светом, — щипал. Он африканец, не француз, и вынужден был сидеть и все терпеть. А если бы улетел, то с ним, как с чужестранцем, непременно случилась бы какая-нибудь беда.

— Как вам кажется, жизнь — это все-таки цепочка случайностей или закономерностей?

— Есть разные взгляды на этот вопрос. Создаешь кинематографическое произведение, и прелесть заключается в том, что ты подсовываешь своим персонажам цепочку случайностей, становясь таким образом на место демиурга, которому будто бы все видно — и прошлое, и будущее, который плетет сеть нашей жизни, испытывает людей. Для него все закономерно. А для персонажей все случайно, и они всякий раз вынуждены реагировать так, как они готовы реагировать. Я не имею никакой твердой точки зрения относительно того, что все предопределено, а таковая существует в буддизме и исламе. Христианскому менталитету свойственно следующее: все зависит от того, как мы поступаем. Общее движение векторов человеческих судеб оканчивается закономерным результатом. Примером может служить факт создания тоталитарного режима на территории России. Все имеет свои корни и закономерности. По прошествии некоторого времени — времени пребывания в зоне поучительных уроков, целая масса людей может переориентироваться, и возникнет другая закономерность, на что я надеюсь, в частности для России.

— Человеку, в сущности, многого ведь и не надо. Счастье его скромно. Во всяком случае, к такому выводу приходишь, посмотрев ваше кино...

— Все зависит от того, что как воспитан и что он считает приемлемым и радостным на этом свете. Все мы способны примерно равным образом на одни и те же поступки. Но от какого-то поступка человек воздерживается, а от какого-то нет.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА